

Соня Фрейн

УЛЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
Ф 86

Соня Фрейм
УЛЕЙ

Дизайн обложки *Владислава Воронина*
Иллюстрации на обложке *Тамары Герасун*

Фрейм, Соня.
Ф 86 Улей : роман / Соня Фрейм. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-17-112031-3

Жила-была злая ведьма, начавшая шутку, над которой должен засмеяться весь мир. Но кто на самом деле засмеется в конце? Мертвая девушка, попавшая в услужение к этой колдунье? Сумасшедший хакер, застрявший между жизнью и смертью? Неудачливый учитель, случайно влезший в потусторонний бизнес? Или же безжалостная молодая ведьма, охотящаяся на своих соратниц? Теперь все они связаны. У каждого свои порочные интересы. И от этой шутки содрогнется весь мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-112031-3

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com
© Соня Фрейм, 2019
© Тамара Герасун, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Маше

*Вместе мы сожгли всех злых ведьм
и свергли всех богов*

Пчела и на себя, и на людей,
и на Бога трудится.

Народная пословица

1

Как умерла девушка по имени Рут

*I started a joke which started the whole world crying,
But I didn't see that the joke was on me oh no,
I started to cry which started the whole world laughing,
Oh If I'd only seen that the joke was on me.*

Я начала шутку, от которой заплакал весь мир,
Но я не поняла, что шутка была надо мной, о нет.
Я заплакала, и от этого засмеялся весь мир.
Если бы я только понимала, что та шутка была надо мной.

Bee Gees, «I Started a Joke»

Дверь была старая и обшарпанная. Обивка кое-где полопалась, и из-под тусклого кожзаменителя лезло что-то белое. Но чем-то эта дверь выделялась на фоне двух других на лестничной площадке. Она словно говорила всем своим видом: «Я особенная», так и притягивая к себе взгляд.

В полутьме подъезда блестел глазок, казалось, смотревший прямо на Рут. Глубоко вздохнув, она нажала на кнопку звонка. Трель раздалась с небольшим запозданием. Руки были потные и холодные. Судорожно вы-

терев их о кофту, она поправила ремешок сумки, впивающийся в плечо.

«Главное — не трусь! — слышался в голове голос Свенни. — Она, конечно, стерва, но имеет право. Смотри ей в глаза и будь спокойна».

Изнутри загремел замок.

«Такую дверь взломать в два счета...» — непонятно почему подумала девушка.

На нее уставились два пристальных глаза: один — голубой, другой — желтый — и с ходу просканировали лучше любого рентгена.

— Здравствуйте, — еле слышно вымолвила она. — Я...

— Всегда мнешься перед дверью, прежде чем позвонить? — недовольно спросила женщина.

На вид хозяйка была чрезвычайно заурядна: одета в шелковый халат в китайском стиле, а на голове — так вообще махровое полотенце. Пыльные светло-голубые тени странно оттеняли ее разные глаза. Но, пожалуй, это единственное, что казалось в ней мистичным. В остальном вердикт уже вырисовывался сам: молодящаяся домохозяйка в постклимактерической фазе, не желающая это признавать.

«О боже мой... — подумала Рут. — И ради этого зрелища я тащила до Пфорцхайма?»

— Ну, что встала-то? — рявкнула ей женщина. — Входи или проваливай!

«Вот это прием...»

Но вслух Рут не вымолвила ни слова и спешно переступила порог, окунувшись в дивную смесь царивших в квартире запахов: кошачьей мочи и курева. Жилище оказалось таким же безвкусным, как и его хозяйка. Полки забиты статуэтками, канделябрами, пустыми рамками; чуть ли не каждый сантиметр пола и стен покрыт разнообразными коврами, мало между собой гармони-

рующими. А на диване валяется мерзейший, жирный кот. Он как-то по-человечески взглянул на Рут и лениво потянулся.

Хозяйка вскоре деловито вошла в комнату и неспешно прикурила. Значит, вот она какая... Кларисса.

Когда ей об этом рассказывала Свенья, все представлялось иначе: мистичнее. Рут была как на иголках. Не этого она ждала. Не этой жуткой квартиры и не такой хозяйки. Ясное дело, Кларисса — не немка. В речи слышится славянский говорок с подхваченным швабским акцентом — безвкусная смесь, присущая всем мигрантам в Баден-Вюртемберге...* Да и на жилье мощная печать восточноевропейского китча.

— Я не поняла, будешь говорить или нет? — вдруг вполне дружелюбно осведомилась Кларисса.

— Что? — Девушка очнулась и затараторила: — Извините. Да, конечно. Меня зовут Рут, вас мне порекомендовала моя подруга Свенья, она была у вас неделю назад и дала телефон...

Кларисса слегка поморщилась и разогнала дым тонкими пальцами. Ее разноцветные глаза неотрывно следили за гостьей, поблескивая словно два драгоценных камня.

— Она сказала, что вы можете посмотреть... ну... что будет... и причины моей проблемы...

Найти эвфемизм такому позорному слову, как «гадание», внезапно оказалось невероятно сложно.

— Ты всегда на кого-нибудь ссылаешься? Сама хоть в чем-то уверена бываешь? — опять резко спросила Кларисса, глядя на Рут как на пригоревший пирог.

* Баден-Вюртемберг — федеративная земля в Германии; город Пфорцхайм, куда приехала Рут, находится на ее территории. — *Здесь и далее примечания автора.*

Под прищелом ее недобрых глаз девушка постоянно чувствовала себя виноватой. Тяжело вздохнув, женщина наклонилась и сказала:

— Вот что, деточка, с таким характером ты в жизни далеко не уйдешь. Это и к гадалке не ходи.

Последовала новая затыжка, сопровождающаяся тонким хихиканьем. Рут потупила взор, разглядывая цветы на рвущейся клеенке. Место и эта дама были ей просто отворачивательны. Но надо узнать, иначе уже никак.

— Что уж говорить про личную жизнь, — фыркнула Кларисса.

Она прищурилась и добавила:

— Он тебя никогда не полюбит.

— Как вы узнали, почему я пришла? — обомлела она.

Кларисса манерно закатила глаза.

— Да все вы приходите с одним и тем же. Что с вас, девочек, взять? Он меня не любит, почему, как влюбить... Ля-ля тополя, душу отдам, жизнь... — она зевнула, а затем почти ткнулась в нее своим маленьким острым носом: — Никогда не клянись своей душой. Жизнью — можешь: их много у человека. Но душою — никогда, поняла меня? Иначе пропадешь. Все слова всегда услышаны.

От ужаса Рут потеряла дар речи и смогла только кивнуть. Кларисса медленно отстранилась, продолжая оценивающе разглядывать свою клиентку. Та, в свою очередь, не могла не отметить, что гадалка все-таки артистична. Умеет себя подать, даже с полотенцем на голове.

— Единственный ребенок, — выдала тем временем гадалка. — Мать-одиночка растит к тому же, из сил выбивается, чтобы тебя, балбеску, одеть в эти дорогие шмотки и дать образование. Только хреново ты учишься. И блузка эта тебе не идет.

Кларисса вдавила окурок в пепельницу, и тот погас. Дым вскоре рассеялся, и стало яснее.

— Милая, ну не твой он, — почти ласково добавила она, улыбаясь непонятно чему. — Не твой человек. И вообще лежачий какой-то, столько женщин вокруг него... Не только молодых. Заласкан он мамами и бабушками, сам как баба стал. Не твой человек.

И она отрицательно помотала головой. Сказанное больно било по девичьим надеждам. При этом у Рут с легким сопротивлением рос неподдельный интерес. Что она видит? Как она это видит? Она же ей ни слова о своей проблеме не сказала.

— Не скоро ты кавалером обзаведешься, — подытожила Кларисса. — Не идут они к тебе...

— Почему? — с беспокойством спросила девушка. — Что не так?

— Сейчас будем смотреть, — последовал тяжелый, наигранный вздох. — Сиди, не рыпайся...

Как будто она вообще могла пошевелиться.

Кларисса под собственное бормотание начала копать в комод. А Рут внезапно стало очень тоскливо и одиноко. Невольно зашевелился извечный пессимизм, который зловеще зашептал: «А ты какого ответа ожидала? Неудачница ты, Рут. Хотя бы потому, что пошла решать свои проблемы через какую-то га-дал-ку!». На глаза навернулись слезы. Хотела бы она быть сильнее и справляться со всем сама...

— Да не реви ты, — брезгливо сморщилась женщина. — Вот же размазня... Ты что, думаешь, у тебя самое большое горе? Ко мне женщина ходит, третьего ребенка потеряла. Ее прокляли. А у тебя что? Тьфу... Так, это нам не понадобится... Это — тоже...

Кларисса разбирала завал в ящике, постоянно что-то роняя на пол. Кот лениво следил за ней с дивана, слабо

помахивая хвостом. Рут продолжала пребывать в вакууме. Все казалось фальшивым, неправильным, но раз уж заварила кашу — так ешь, как бы ни тошнило.

— Самое большое горе — всегда собственное, — наконец мрачно ответила она. — Я сейчас не на месте той женщины. В чем смысл таких сравнений?

На нее впервые взглянули с осязательным интересом. Откинув куда-то в сторону клубок с нитками, гадалка хмыкнула:

— Поспорежь еще со мной.

Рут ожидала, что она извлечет свечи и хрустальный шар, но Кларисса оставила на столе лишь колоду карт Таро и откуда-то взялся новенький планшет. Эта современная вещь в контексте их беседы смотрелась странно.

— Так, дату и время рождения говори. И город. Я просила приходить только с этими данными.

— Двадцать второе ноября... года. Шестнадцать пятнадцать. Кельн.

— Шестнадцать пятнадцать, — невнятно повторила Кларисса, увлеченно тыкая в экран планшета.

При этом ее ногти каждый раз издавали холодный стук.

«Ничему не удивляйся! — тархтела Свенья. — Она о-о-очень современная женщина и страшно умная. Просто слушай ее. Она всего лишь на меня посмотрела и сразу сказала, что он на мне женится. И он сделал мне вчера предложение! Вот откуда ей это было знать-то, а?»

С логической точки зрения, все могло быть иначе. Кларисса — безусловно, хороший психолог, но та еще стерва. Любит устраивать шоу с метлой, а сама сыплет всякими клише...

Нет, как она узнала, что вокруг него столько женщин?

«Эй-эй-эй, она говорит вещи, которые могут быть правдой, о любом мужчине и любой женщине. Это игра

на таких банальностях! Уходи отсюда, Рут, пока она окончательно не испоганила тебе настроение и не ободрала как липку...» — не унимались доводы разума.

Кларисса продолжала тыкать по экрану планшета.

— Не люблю я вручную составлять эти натальные карты. Спасибо технике... А! Готово. Милая, — вдруг ее тон опять сменился, окончательно вводя девушку в заблуждение, — теперь он звучал удивленно и как-то до жути рационально: — Ты привязана к своей прошлой карме. Южный узел в Раке в трине к Солнцу.

Рут взирала на нее, как рыба пялится на людей из аквариума, и молчала. А та вовсю вещала про Солнечную систему:

— Плутон у тебя в седьмом доме, это планета рока и страданий. Не быть тебе счастливой, так на роду написано...

Каждое слово ощутимо било по голове, и на смену первичному благоговению перед ее третьим глазом пришло глухое раздражение.

«Пошли эту перечницу в задницу и вали!» — уже орал внутренний голос, но Рут все ждала чуда.

Кларисса словно не замечала перемен в своей клиентке. Отодвинув планшет, она взялась за карты и небрежно смешала их.

— Тяни давай. Будем выяснять, что на тебе кроме кармической предрасположенности, чтобы быть неудачницей.

С унылым лицом Рут вытащила наугад две карты.

— Луна и Смерть. Порча на тебе, милая. О, смотри, Шесть кубков сама упала... Сглазили в детстве. Тяни еще... Императрица перевернутая. Женщина с двумя детьми. Дочки у нее. И глаз черный. Всех сглаживает. По тебе проехалась от души. Да и маме твоей досталось. Ее зовут Альма...

Вдруг Рут впервые почувствовала что-то вроде доверия, и она взглянула на Клариссу по-новому. Та облокотилась о стол, задумчиво разглядывая карты. Изображения ничего не говорили клиентке, зато гадалка явно видела в них больше чем просто картинки. Но сильнее всего Рут насторожило произнесенное имя.

Альма действительно существовала. Просто — бинго! — приз в студию. Знакомая ее матери, с двумя дочерьми, что примечательно. Этого Кларисса никак знать не могла.

— Мама твоя поэтому не вышла замуж. Ты тоже не выйдешь, пока на тебе порча от этой Альмы... Да уж, ну и женщина, — протянула Кларисса, выглядя заинтригованной и даже слегка восхищенной. — Завистливая, злая, но за детей своих убьет... Во всех видит их врагов. Вот и сглаживает... Тяни еще...

— Да так всю колоду можно выложить, — нервно усмехнулась Рут.

Ответа не последовало, гадалка впала в легкий транс. Взгляд уплыл, и только пальцы невесомо водили по картам. Вдруг на девушку поднялись ее помутневшие глаза, и Кларисса произнесла:

— На твоей личной жизни сидит большая черная кошка. Она не дает тебе пройти.

Образность слов усиливалась странным поведением. Гадалка медленно коснулась ее ладони и протянула с еле уловимым злорадством:

— А, вижу... вижу... Ты еще сама себя здорово отравила... негативными эмоциями. А Альма тут просто до кучи... Но себе ямы не роют, понимаешь? Ибо все ямы — это могилы.

Ее речь продолжала звучать, даже когда Кларисса замолчала. Ощущалось, будто ведьма сейчас прицельно и со вкусом плюнула ей внутрь.

— Ну что... надо снимать... Все могу, кроме кармического. Это ты заслужила. — Капля потустороннего шарма, на миг проглянувшая в ней, пропала, и опять появилась недовольная стареющая женщина. — И вижу еще... будет у тебя все-таки мужчина, особенный. Другого не дано. Сниму порчу от Альмы твоей — и потянутся к тебе парни. Но не задержатся. Потому что тебя как магнитом сквозь жизнь тащит к одному человеку.

Рут встрепелась: ну хоть одно приятное пророчество.

— Он словно здесь и не здесь, — удивленно воскликнула Кларисса, с прищуром глядя на Рут. — Я вижу... перекресток. Где-то на перекрестке встретишь его. Но пока не понимаю, как... Странно.

Настроения гадалки чередовались с патологической быстротой. Ясновидение, похоже, граничит с шизофренией.

— А замуж я выйду? — напряженно спросила Рут.

Все-таки она была всего лишь девушкой, со своими девичьими заботами. Взгляд Клариссы стал прозрачнее, она словно читала ее жизнь в ее же лице.

— Нет, милая, не вижу у тебя брака. Тут ничего не поделаешь.

Рут опустила голову. Ее снова начала душить паника. Почти на все важные вопросы она получила решительное «нет», похожее на смачную пощечину.

— А дети? Дети будут? — еле слышно спросила она.

— И детей тоже нет, — покачала головой Кларисса. — Будет мужчина, я уже сказала. Но на вас обоих пелена. Вы где-то... между... Словно оба вычеркнуты из жизни...

Снова накатила необъяснимая паника. К гадалкам ходят, чтобы узнать, что все будет хорошо. А если все плохо, то это уже не поправить. В груди стала испуганно